

7. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. (Из — Каста). СПб.: Наука, 1997. 270 с.
8. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10. (Кастальский — Крепостца). СПб.: Наука, 1998. 256 с.
9. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 11. (Крепость — Льяной). СПб.: Наука, 2000. 256 с.
10. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 19. (Пенат — Плангерд). СПб.: Наука, 2011. 240 с.
11. Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>.
12. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova>.
13. Толковый словарь Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov>.
14. Трофимова О. В. Памятники тюменской деловой письменности 1762 — 1796 гг. Тюмень, 2002. 828 с.

А. Г. Тимченко, г. Красноярск

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ГОВОРАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

В последние десятилетия внимание лингвистов устремлено на изучение языковой картины мира. Это мировидение этноса или субэтноса определённой культуры, отражённое в языке, система ценностных ориентаций, закодированная в ассоциативно-образных компонентах языковых единиц. К таковым единицам можно отнести семиотические оппозиции, отражающие ментальность и воплощенные в словах. Б.Ф. Поршнев в своей работе «Социальная психология и история» утверждал, что «в силу доминирующей роли речи среди психических факторов формирования человека связь этнической психологии с исторической лингвистикой представляется в высшей степени плодотворной и многообещающей. На первое место надо будет поставить не формальную структуру языка, не фонетику, морфологию и синтаксис, а лексикологию и этимологию: язык — поистине копилка исторического опыта народа в гораздо большей степени, чем любая другая сфера культуры» [Поршнев, 1979: 57].

Семиотические оппозиции (как лексическое воплощение ментальности в языке) являются универсальными для всех культур и языков. Отношения между знаками сводимы к бинарным структурам — к модели, в основе которой находится наличие или отсутствие определенного признака. Так, французский этнолог К. Леви-Стросс использовал бинарные отношения типа «природа — культура», «растительное — животное», «сырое — вареное» и подобные для характеристики социального устройства, культурной жизни первобытных племен.

Как указывают исследования этнических структур на семиотическом уровне, отношения противопоставленности настолько регулярны для этих структур, что можно выделить общие модели оппозиций, которые актуализируются в процессе социальной коммуникации. Такие моделирующие семиотические оппозиции были выделены и описаны Вяч.В. Ивановым и

В.Н. Топоровым в результате исследования древнего периода общности славянских народов. Было установлено, что главным противопоставлением, обусловленным социальными установками коллектива или сообщества, является различие положительного и отрицательного по отношению к коллективу и к индивиду. Выделена целая серия противопоставлений, в основе которых лежат различные признаки, в том числе и социальные: «свой — чужой», «близкий — далекий», «старший — младший», «главный — неглавный», «предок — потомок», «хороший — плохой» и др. [Иванов, Топоров 1965: 64].

Особенности ментального мышления находят свое отражение в языке и всесторонне изучаются лингвистами в основном на материале литературного языка. Говоры отдельных регионов, оставаясь на периферии подобных исследований, являются богатым материалом в отношении воплощения семиотических оппозиций. Выбранные нами для анализа говоры Красноярского края мало изучены в данном аспекте, как и многие другие диалектные формы. Настоящая статья посвящена анализу языкового материала в лингвокультурологическом аспекте.

Граница между языковой и культурной семантикой не является четкой, она не установлена «раз и навсегда» [Толстая, 2010], завися от включения в объем слова коннотативных компонентов. Сопряжение собственно языковых и культурных смыслов может дать новое постижение ментальности этноса, сути понимания мира. Благодаря этнической культуре человек получает такой образ окружающего, в котором все элементы мироздания структурированы и соотнесены с самим человеком, так что каждое его действие является компонентом общей структуры.

В качестве самой первоначальной общности надо представить «то, что нам легче всего вообразить: группу людей, связанных родством между собой, вообще людей, в том или ином отношении «своих», т.е. и лично известных друг другу, и непосредственно связанных совместным бытом, совместным промыслом, общим происхождением» [Поршнева, 1979: 47]. Отдельный индивид может одновременно быть членом общности разного типа и порядка. Скажем, какой-либо человек является коренным жителем конкретной местности, отцом, сватом и т.п. В древней славянской системе противопоставление «свой-чужой» реализовывалось в трех планах [Иванов, Топоров, 1965: 156]. Противопоставление может интерпретироваться с социальной точки зрения (члены общественной системы относятся к разным социальным группам, связанным, однако, между собой). В основе такого деления — отражение оппозиционного множества коллективов (полиорганизованная система). Рассмотрим на примерах. К таковым относятся:

— именованная жителей в зависимости от проживания на определенной территории (и именование самой территории): *гробовоз* (прозвище жителей пос. Овсянка Красноярского края), *чунар/чунарка* (житель/жительница берегов р. Чуны), *лапотня* (переселенцы в Сибирь из европейской части России; *лапотон*, *лапотонка*, *лапотонский*); *гуран* (прозвище жителя Забайкалья), *околодок* (часть, край населенного пункта, лежащие в стороне от главной его части);

— противопоставленность на основании лексем со значением «**родственно-семейные связи**» и «**отсутствие дома**»: *братан* (1. родной брат (*брательник*, *братка*, *братуха*), 2. двоюродный брат (*брательник*, *братенник*), 3. сводный брат, 4. друг, товарищ (*братка*)), *братка* (3. старший брат, 4. муж сестры). Следует отметить: наличие полисемантики данных слов говорит о том, что для определения «своих» жителям определенной территории достаточно было в языке небольшого количества лексем, отличающихся коннотациями. Как и у древних племен — именование «себя» могло вообще отсутствовать в живой речи, важнее было дать определение врагу, «чужаку» (М.Элиаде). *Дядина* (жена дяди), *дядинка*, *тётъшка* (тётя), *шагерка* (сестра жены), *шварга* (брат жены), *шуряк* (брат жены, шурин), *ятровка* (жена брата мужа), *зятевья* (зятя), *мнучек* (внук), *лёлка* (м. и ж. крестный отец или мать), *нянька* (старшая сестра), *большак* (1. старший сын), *мужик* (муж, супруг), *жёнка* (1. замужняя женщи-

на, жена), *маманька, мамайка, мамка, мамынька, мати, матка, маманька* (мать), *родитель* (отец), *родиха* (1. роженица), *родич* (родственник, родитель), *родова* (1. родственники), *робёнок, ребёнчишка, ребяёнок, ребятишко* (ребенок), *ребяты* (1. дети; 2. юноши, молодые люди (*робяты*)), *привалень, примак* (зять, принятый в семью жены, живущий в доме жены), *отрывок* (родственник), *сведёный* (сводный, приходящийся кому-л. братом, или сестрой по отчиму, мачехе), *свекрова* (свекровь), *свекруха* (1. свекровь; 2. бабушка мужа), *своячена* (свояченица, сестра жены), *сЕмья* (семья), *сестренница* (двоюродная сестра), *сноха* (1. жена сына по отношению у его отцу, свекру; 2. сестра мужа; 3. жена родного брата мужа), *снохач* (свекор, который находится в интимных отношениях с женой сына или ее сестрой), *сношельница, сношенница*¹ (жена родного брата мужа), *сплетённый* (соединенный родственными узами), *сродный* (двоюродный), *сродственник, сродственница* (родственник, родственница), *стряпка* (2. хозяйка, жена), *стряпшая бабушка* (старшая женщина в крестьянской семье, которая всегда готовит еду), *сыновнин сын* (внук), *тятенька* (1. отец; 2. свекор), *тятя, тата* (отец) — *помирошник* (нищий), *жиган* (1. бездомный), *блудня* (тот, кто часто и надолго уходит из дома), *бродяжня* (бродяги), *рестанец* (арестант), *салазгань* (обнищавший, бездомный человек, бродяга), *сиротёнок, жить в сиротстве* (сирота, быть сиротой), *состань* (сирота);

— различия в вероисповедании: *кержак, кержачка* (старообрядец. — *У меня бабушка кержачка, а мама нашей, православной веры.* Ем.: Емел.), *сталовер* (старовер);

— по отношению к объекту собственности: *хозяин* (муж, глава семьи) — *фатирант* (квартирант), *подворник* (жилец, квартирант), *служанушка* (служанка), *стряпка* (3. наемная работница у зажиточного хозяина);

— коренные жители — приезжие: *чалдон, чалдонец, чалдонка, чалдоночка, чалдоньё* (русский житель Сибири, старожил), *вечный сибиряк* (старожил Сибири), *рожденец, рожденька* (уроженец, уроженка), *обчество* (сообщество жителей деревни, поселка, села), *полоротый* (бран. прозвище **коренных сибиряков, бытующее в среде переселенцев**), *закалённый, закоренелый* (коренной, исконный. — Этот чалдон **закалённый**... Тс.: Тас., Она **закоренела** уж сибирячка... Тс.: Тас.), *здешный, здешной, издешный* (здешний, местный. — Они не **издешные** жители. Откуда-то с Мурманску ли чё ли приехали. Бз.: Бер.), *местный-здешный* (неприезжий. — Я-то из **ссылного** роду, дедушка и отец **ссылные**, а мама — **местна-здешна**. Тс.: Тас.), *урождёнка* (ж. рождённая в данной местности), *природный* (коренной житель), *старожитель* (коренной житель, старожил) — *выслатый* (высланный. — В тем краю адне **выслатыя** жили. Бз: Бер), *подбегало* (переселенец), *понаезжий, понаеханный* (приезжий, не коренной), *поселенский* (относящийся ксылному переселенцу), *россейский, российский* (не сибиряк, приезжий из европейской части России), *самоход (1), самоходка*², *самоходня* (переселенцы из европейской части России), *посельга* (1. добровольный переселенец, *поселюга* (в 1 знач.), *приселенец* (2. ссылный), *себлонец* (переселенец из западной части России), *скобарь* (бран. переселенец), *толстопятый* (обидное прозвище переселенцев из европейской части России), *турмак* (дикарь). Следует отметить здесь, что возникает пограничное понятие — **меженец** (м. и ж. человек, рожденный в браке коренного жителя Сибири (*чалдона*) и переселенца из европейской части России).

«Мы» — универсальная психологическая форма самосознания всякой общности людей. Однако это «мы» всегда подразумевает противопоставление каким-либо — то определенным, то неопределенным — «они» [Поршнева, 1979: 50].

— межличностные отношения: *залеточка* (м. и ж. возлюбленный), *голуба* (ж. подруга, любимая), *сахаранка, сахараночка* (возлюбленная), *пародник* (не родной, но близкий человек), *сухарь* (близкий человек), *роднистый* (близкий, связанный тесной дружбой, переходящей в родственные отношения), *ребя, робя* (ребята, товарищи), *свяшница* (подруга), *спарцик, спарщица* (напарник, напарница), *сударка, сударушка* (возлюбленная, любовница), *соседка* (соседка) — *быть как замета* (быть нелюбимым, лишним где-л. — *При мачехе я была как замета*

в доме. Сх.: Шила), *чужник* (посторонний, чужой человек), *мамаша* (используется в качестве обращения к незнакомой женщине среднего или пожилого возраста), *незнамый* (незнакомый). — *За незнамых замуж-то выходили, из других деревень*. Сх.: Сух.), *разнофамильцы* (люди разных фамилий), *супера* (соперница).

Поскольку одним из важных действий в жизни славян была свадьба как переход в новое не только социальное, но и духовное состояние, то в рамках противопоставления «межличностные отношения» можно выделить отдельную подгруппу — «участники свадебного обряда» («свои» по отношению к жениху и невесте. Важно было назвать всех «своих», т.к. каждый выполнял определенную функцию, сакральное действие.): *дружка*, *дружок* (доверенное лицо на свадьбе со стороны жениха, устроитель свадебного ритуала), *подженишник* (товарищ жениха, *дружка*), *подневестница*, *проводжатка* (подруга невесты), *полудружье* (участник свадебного обряда, помощник *дружки*), *приданки*, *приданники* (родственники невесты, привезшие приданое), *сватовщик* (тот, кто сватается), *светилка* (в свадебном обряде: сестра жениха), *тысяцкий* (участник свадебного обряда, возглавляющий свадебный поезд). К категории «чужих» здесь можно отнести такие лексемы, как: *разжениха*, *разжениа* (один из разведенных супругов).

Противопоставление «свой-чужой» также может интерпретироваться в этническом плане (включение в состав данного коллектива новых этнических групп). В «Словаре русских говоров центральных районов Красноярского края» встретили следующие лексемы: *ерманец* (германцы, немцы) и *хохол* (переселенец. — *А вот приедут к нам с Расаи, али ещё откуда, мы всех хохлами зовем. А что так зовём, я и сама не знаю*. Бр.: Бир). Бытование именно этих этнообозначающих лексем в словаре свидетельствует о том, что именно данные этносы распространялись обширно на территории Сибири при переселении. У Поршнева встречаем: «В самой глубокой древности господствующим актом поведения по отношению к чуждым, к «ним», по-видимому, было отселение подальше от них. Формирование этнической, языковой, культурной общности и резкой границы начиналось в той мере, в какой нельзя было просто уйти, отселиться» [Поршнева, 1979: 56].

В рамках семиотической оппозиции «свой-чужой» допускается и такая трактовка: «свой» относится к человеческому, а «чужой» — к неживому, нечеловеческому, колдовскому. В данном контексте «чужой» наделяется антропоморфными чертами, становится получеловеком. К примеру: *анчихрист* (1. антихрист, бес), *асмодей* (1. злой дух, нечистая сила), *бабай* (1. чудище, которым пугают детей), *колдовка* (колдунья, ворожея), *старуха-волишебка* (колдунья), *суседко* (домовой).

Проведенный анализ лексических единиц, входящих в состав оппозиции «свой-чужой», позволяет сделать ряд заключений. Наибольшее количество лексем интерпретируется с социальной точки зрения. Возможно, это связано с тем, что обрядовые, мифические действия сакрального характера, верования предков («чужие» как элементы потустороннего мира) уходят в прошлое, их вытесняют явления социальной действительности (и говоры, как элемент живого языка, не исключение). Встретилось много лексем с частным значением «коренной житель — приезжий (переселенец)»: территория Красноярского края заселялась и продолжает заселяться в течение трех столетий (XVII — нач.XXI в.в.), **не могли не сказаться на этом результаты ссылок и иных репрессий**. Очевидно, что большой сегмент образуют лексемы со значением «родственно-семейные связи»: для славян вообще (для сибиряков в частности) было характерно почитание рода, семьи, крепкие родственные отношения — основа мироздания для русского человека (отсюда именование каждого в семье — как признак почитания). Доминирующим является ценностный аспект оппозиции «свой-чужой», моделирующей отношения жителя Красноярского края с представителями окружающего мира. Данные словаря отражают материальную и духовную культуру сибиряков, связи русского населения региона с представителями коренных этносов — носителями самодийских, тюркских, палеоазиатских языков.

Литература

1. Иванов Вяч.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Астрель, 2011.
3. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979.
4. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. В 5 т. Красноярск: РИО КГПУ, 2003-2011.
5. Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010.
6. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проспект, 2010.

□. □. □□□□□□, □. □□□□□□

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИЁМОВ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО НА РЕГИОНАЛЬНОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

В настоящее время тюменское развлекательное телевидение находится в стадии становления. Поэтому существующий набор развлекательных телепередач не отличается разнообразием. Кроме этого, сейчас на тюменском телевидении выходит мало подобных телевизионных продуктов. Докажем это на конкретных примерах. В период с 10 по 16 июня 2013 года ГТРК «Регион-Тюмень» показывает лишь две телепередачи, которые можно отнести к развлекательным — кулинарное шоу «Жить со вкусом» и молодёжный тележурнал «Студенческий квартал» (общее количество собственных программ — 21). Телеканал «Тюменское время» в аналогичный период транслирует также лишь две собственно развлекательные передачи (кулинарное шоу «Двое на кухне» и юмористическое шоу «Юмор Ютуб»), а также до десяти программ, несущих в себе определённую развлекательную составляющую. «Моё ТВ» стоит особняком от перечисленных телеканалов: пока на этом Интернет-канале показывается лишь две телепередачи, одна из которых относится к развлекательным — онлайн-шоу «Светлые головы». На корпоративном телеканале ТюмГУ «Евразия-ТВ» не вышло ни одной развлекательной телепрограммы. Как мы видим, развлекательное вещание занимает не более 10% вещания телеканалов, что резко контрастирует с тенденциями на федеральных телеканалах, которые уделяют до 50% и более времени различным шоу.

При этом необходимо заметить, что некоторые программы можно назвать развлекательными лишь условно, поскольку они сочетают в себе рекламную, информационную или познавательную составляющую. В данной работе мы в большей части анализировали приёмы создания комического на материале непосредственно развлекательных телепередач. К ним мы отнесли следующие программы: 1. кулинарные шоу: «Жить со вкусом» («Регион-Тюмень»), «Двое на кухне» («Тюменское время»); 2. реалити-шоу: «Практикантки», «Имидж» («Тюменское время»); 3. шоу талантов: «Созвездие ТСН» («Тюменское время»); 4. развлекательные ток-шоу: «Сбренддили», «Да будет свет!» («Евразия-ТВ»); 5. телеигры: «Битва эрудитов» («Евразия-ТВ»); 6. юмористические шоу: «Юмор Ютуб» («Тюменское время»); 7. музыкально-информационное шоу: «Светлые головы» («Моё ТВ»).

Прежде всего, стоит отметить главную тенденцию в использовании приёмов создания комического: употребление их, как правило, не в непосредственно развлекательных телепередачах (всевозможных шоу и играх), как это происходит на федеральных телеканалах, а в пере-